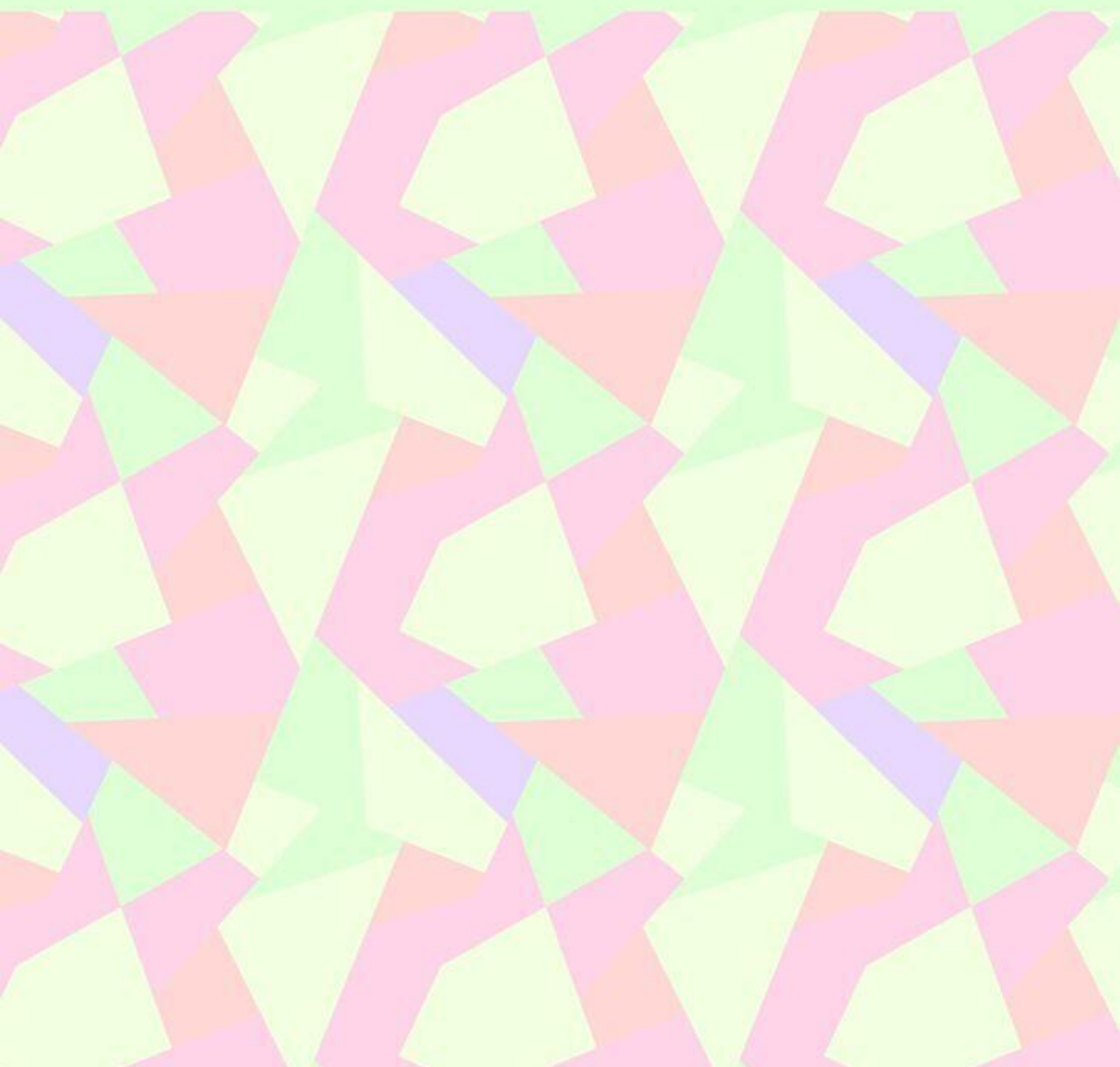

18+

Ольга Шишкина

Световая пыль

Ольга Шишкина

Световая пыль

«Издательские решения»

Шишкина О.

Световая пыль / О. Шишкина — «Издательские решения»,

«Световая пыль» — роман о любви, музыке и времени. Двое людей встречаются, чтобы создавать музыку, но постепенно обнаруживают, что между ними рождается нечто большее. Песни появляются среди поездок, разговоров, ссор, тишины, усталости и попыток услышать друг друга. Это история о том, куда мы отдаём своё время, что создаём вместе и что остаётся после нас. О любви, которая проходит через людей и превращается в музыку.

© Шишкина О.

© Издательские решения

Световая пыль

Ольга Шишкина

© Ольга Шишкина, 2026

ISBN 978-5-0071-3599-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Световая пыль

Роман

«Световая пыль» — роман о любви, музыке и времени. О двух людях, которые встретились не для того, чтобы написать красивую историю любви, а для того, чтобы через свои встречи, конфликты, расстояния, непонимание и близость создать то, чего по отдельности у них никогда бы не возникло. Это история о том, как рождаются песни. Не в красивой студии и не в тот момент, когда всё наконец становится легко, а среди жары, усталости, ссор, ожидания, переписок, неудачных дублей, обид, смеха, поездок, кофе, еды, молчания и бесконечных попыток снова услышать друг друга. В этой книге музыка становится способом исследовать любовь. А любовь — способом понять, что именно человек делает со своим временем. Сколько часов мы отдаём друг другу? Сколько — работе, творчеству, страхам, бытовым делам, чужим ожиданиям? Что мы выбираем, когда одновременно важны несколько вещей? Когда нужно написать песню, но кому-то рядом плохо. Когда хочется обнять любимого человека, но он просит оставить ему пространство. Когда четыре строки требуют нескольких часов работы, а жизнь в это время продолжает происходить вокруг. «Световая пыль» не предлагает готовых ответов на эти вопросы. Она скорее приглашает читателя исследовать их вместе с автором. Что такое любовь — удерживать или отпускать? Что значит выбрать человека? Что значит выбрать музыку? Можно ли любить другого и при этом не потерять себя? И что происходит, когда между двумя людьми появляется третье — нечто, что словно приходит через них обоих и становится больше каждого из них? Эта книга ещё и о творчестве. О том, что за любой лёгкостью, которую мы видим со стороны, обычно скрываются десятки попыток, переделок, сомнений и разговоров. За песней, которая звучит три минуты, могут стоять месяцы жизни. За книгой — годы, которые никто не видит. За одним точным словом — целая история человека. Поэтому «Световая пыль» можно читать не только как историю любви. Это книга о том, как человек ищет своё дело, учится слышать себя, сталкивается с собственными ограничениями и всё-таки продолжает создавать. Здесь есть музыка, любовь, путешествия, еда, города, люди, встречи, расставания и воспоминания, которые спустя годы приходится буквально раскапывать по датам, фотографиям и старым сообщениям. Но постепенно становится понятно, что всё это — только поверхность. Под ней находится главный вопрос: **что остаётся от нашей жизни после того, как проходит наше время?** Возможно, песни. Возможно, книги. Возможно, несколько фотографий. Возможно, чьё-то воспоминание. А может быть, только след — одна фраза, один аккорд, один образ, который однажды поддержал другого человека в трудный день. Именно это автор называет световой пылью — тем, что рождается из прожитой жизни, любви и творчества, а потом выходит за пределы тех, кто это создал. И, может быть, именно поэтому эту книгу стоит читать не только тем, кто любит. Её стоит читать тем, кто когда-нибудь выбирал между собой и другим человеком. Тем, кто пытался создать что-то своё. Тем, кто терял время и потом пытался понять, на что его потратил. Тем, кто знает, что иногда одна песня может сказать о человеке больше, чем тысячи разговоров. И тем, кто однажды задавал себе простой, но совершенно непростой вопрос: **а что я хочу оставить после себя?** Возможно, вы не най-

дёте здесь ответа. Но, может быть, найдёте свой собственный вопрос. А иногда именно с него и начинается самое важное.

Ольга Шишкина — писатель-футурист, автор тридцати книг, и «Световая пыль» — её тридцатая книга, которая выйдет в ближайший месяц. Автор более двадцати музыкальных треков, человек, который пишет песни на русском, английском и испанском языках и исследует не только литературу и музыку, но и самого человека — его чувства, выборы, любовь, одиночество и способы оставаться живым в меняющемся мире. У Ольги три образования: IT, юриспруденция и большой опыт собственного бизнеса. За её плечами путешествия более чем по сорока странам, изучение языков, встречи с людьми самых разных культур, традиций и мировоззрений. Но, наверное, ни один список достижений не расскажет о ней так много, как то, что она продолжает делать со всеми этими впечатлениями. Ольга собирает их всю жизнь: запах специй на рынке, вкус еды в незнакомом городе, кофе в маленьком кафе, шум моря, извержение вулкана в Индонезии, случайный разговор с человеком, встречу, которая вдруг меняет направление твоей жизни. Она не собирает впечатления для того, чтобы расставить их на полке. Ей хочется превращать их в слова, музыку, образы и истории, чтобы однажды человек, открывший её книгу, смог почувствовать то, что когда-то почувствовала она сама. Чтобы смог услышать город, в котором никогда не был. Почувствовать запах кофе, который автор пьёт в тот момент, когда пишет эти строки. Увидеть вулкан в Индонезии. Услышать музыку. Почувствовать любовь. Ольга много пишет о будущем, но её интересует в нём не только технология. Её интересует человек, который окажется внутри этого будущего. Что произойдёт с любовью в эпоху искусственного интеллекта? Что произойдёт с чувствами? Что будет с природой, путешествиями, музыкой, творчеством, человеческой близостью? Станет ли человек чувствовать больше или, наоборот, постепенно разучится чувствовать? Что останется настоящим, когда вокруг станет всё больше созданного искусственно? Именно поэтому Ольга называет себя писателем-футуристом: она смотрит вперёд, но пытается разглядеть там прежде всего человека. Её книги исследуют современность через самые простые и одновременно самые сложные вещи — любовь, деньги, ревность, власть, свободу, творчество, желания и страхи. Среди её работ — «2050», «2030», «2100», «Тройничек», «Выход», «Популярность», «Деньги. Ехе», «Семь грехов. Ехе», а также книги «Ревность. Ехе» и серия «Яроград». «Световая пыль» занимает среди них особое место. Это книга о музыке, любви и времени, но вместе с тем — книга о том, как человек оставляет после себя след. Ольга — человек открытый, любящий жизнь, людей, природу, путешествия, разные культуры и традиции. Она вегетарианка. Она живёт в творчестве и постоянно учится видеть мир заново, даже если уже видела его много раз. Её любовь к Создателю проходит через всё, что она делает: через книги, песни, отношения, путешествия, природу и саму возможность быть здесь. И, возможно, поэтому для неё творчество — это не просто профессия. Это способ благодарить за жизнь. Ольга говорит об этом особенно ясно сейчас, когда понимает, насколько хрупким вообще является наше присутствие в этом мире. Она прошла непростой путь, пережила тяжёлые периоды своей жизни и сегодня воспринимает саму возможность быть здесь, любить, писать, петь, путешествовать, встречаться с людьми и создавать как большое счастье. «Я очень рада быть здесь», — могла бы быть одной из главных её фраз. И эта радость не про то, что жизнь всегда была лёгкой. Скорее наоборот. Она знает цену тому, чтобы продолжать жить и создавать после трудностей. Поэтому она благодарит своих читателей, слушателей, подписчиков и всех, кто оказывается рядом с её творчеством. За то, что читаете. Слушаете. Смотрите. Спорите. Чувствуете. Возвращаетесь. Для автора это никогда не становится чем-то само собой разумеющимся. Потому что книга, однажды выпущенная в мир, перестаёт быть только книгой автора. Она становится встречей. И Ольга, наверное, больше всего хочет именно этого — чтобы между тем, что когда-то пришло в неё, и тем, что однажды окажется внутри другого человека, не исчезла живая связь. Чтобы запах кофе, который она чувствует сейчас, пока пишет эти строки, однажды стал вашим воспо-

минанием. Чтобы музыка, родившаяся между двумя людьми, нашла третьего. Чтобы история любви коснулась человека, который давно забыл, что сам умеет любить. Чтобы книга, написанная здесь и сейчас, смогла заговорить с человеком, который ещё даже не родился. Именно поэтому она пишет. Именно поэтому поёт. Именно поэтому продолжает собирать мир — не для того, чтобы сохранить его только для себя, а чтобы снова и снова возвращать его другим в той форме, которую умеет создавать. И, может быть, именно поэтому тридцатая книга — это вовсе не итог. Это ещё одна дверь. А за ней уже начинается следующая история.

Серёне

Наверное, всё, что мы называем временем, — это просто световая пыль. Она оседает на нас, на наших воспоминаниях, на музыке, которую мы успели услышать и создать. Однажды нас не станет. Однажды время сотрёт и нас, и всё, что сейчас кажется таким важным. Но мне нравится думать, что время можно не просто потратить. Его можно превратить. В любовь. В музыку. В одну-единственную любовь, которая становится музыкой. Поэтому не выбирай меня. Выбери любовь. Не отдавай своё время мне. Отдай его музыке. Нашей музыке. Потому что, может быть, именно для этого нам и дано время — чтобы однажды оно не просто прошло через нас, а осталось где-то ещё. В нескольких нотах. В чьей-то памяти. В песне, которую кто-то включит спустя годы и вдруг почувствует то, чего уже давно нет. А потом и это исчезнет. И мы исчезнем. И останется только световая пыль. Но, может быть, в ней всё ещё будет звучать музыка.

Али и Нино

Я уже который месяц жила в Тбилиси. Что я могу сказать о Тбилиси? В Тбилиси очень вкусные корзиночки с невыносимо масляным кремом и клубникой. Это так сладко, фантастически вкусно, что вместо одной корзиночки мне всегда хотелось съесть три, но я покупала четыре и, как ни странно, на завтрак съедала все четыре корзиночки и благополучно запивала их фильтр-кофе, смешанным с апельсиновым соком. И да, так начиналось моё утро. Я жила в районе рядом с зелёной веткой метро. Рядом со мной был большой парк, по которому я любила гулять после этих дивных пирожен. Я выходила из дома, шла в парк, и мне казалось, что эту идиллию ничто не могло нарушить. Я обживалась в Тбилиси. Это было прекрасно. Иногда я ездила в центр, в очень известную хинкальную, съесть несколько хинкалий — с картошкой или сыром — и прекрасный салат с помидорами, орехами и репчатым красным луком. Потом возвращалась домой и снова гуляла по парку. В общем, я совершенно не собиралась никуда уезжать. Я уже привыкла к этому городу, к этим завтракам, к своему парку, к метро, к Тбилиси, который постепенно становился каким-то моим. У меня была своя жизнь, и мне в ней было хорошо. Я не ждала ничего особенного. Во всяком случае, мне так казалось. У меня уже появились свои понятенькие места: в этом кафе я знала, что вкусный кофе, а вот здесь — вкусная шаурма. Мы тусили с друзьями, гуляли с ними по центру, ездили в наш любимый уютенький старинный грузинский ресторанчик в подземелье, кушали там чохохбили и были, так сказать, вполне счастливы и довольны своей жизнью. Тогда как раз я начала заниматься вокалом. У меня ничего не получалось, но я почему-то верила, что однажды может получиться. В общем, всё было как-то классно, вяло текуще, и особенно ни о чём не надо было париться. Я знала, что могу прожить в Тбилиси хоть целый год. И вообще я не помню, как мне пришла мысль поехать в Батуми и зачем я туда в целом собралась. Не помню, что меня вдохновило, воодушевило подумать вообще в сторону Батуми. Наверное, единственное, что иногда будоражило моё сознание, — это скульптура Али и Нино, которую часто показывают во всех видео, на постерах, на открытках. Я смотрела видео, где Али и Нино идут друг другу навстречу, и мне казалось, что это какая-то очень загадочная метафора любви. Сначала они далеко друг от друга, потом идут-идут-идут, проходят друг сквозь друга, выходят и снова возвращаются, чтобы продолжить этот путь. Мне нравилось на это смотреть. И, конечно, поскольку я никогда не была в Батуми, мне хотелось увидеть это своими глазами. Я не помню, как купила билет.

Вот не помню. Но я помню, как заехала в «Мариот» и влюбилась. Влюбилась в свой номер, влюбилась в свой лифт и влюбилась в этот район. Я жила там на каком-то очень высоком этаже, после двадцатого, по-моему, и из моего номера открывался поразительный вид на набережную. Я заехала, заселилась и пошла гулять. Сложно мне сейчас всё это вспоминать. Наверное, я взяла такси и поехала смотреть Али и Нино. Я ещё хотела подняться на ту самую сферу, где наверху есть обзорная площадка, но больше всего мне, конечно, хотелось увидеть их. Я помню тот момент, когда издалека впервые их увидела. Это было забавно: пока находишься далеко, вообще не понимаешь, на какой они сейчас фазе, как будто они всё время находятся в каком-то своём танце, который тебе ещё только предстоит разгадать. Я подошла ближе. Был очень спокойный, безветренный день, я чувствовала запах бриза, вокруг почти не было людей, и я была одна. Сначала я решила просто посмотреть. Подумала, что несколько кругов посмотрю, а потом найду какой-нибудь хороший ракурс и начну снимать. У меня, конечно же, до сих пор есть в социальных сетях видео с их магическим движением. Они оказались достаточно большими, и я смотрела на них снизу вверх. Али и Нино медленно, неспешно, почти незаметно двигались друг другу навстречу. Они состоят из дисков, и эти диски проходят друг сквозь друга, будто две фигуры идут навстречу, встречаются, на мгновение становятся одним целым, а потом продолжают свой путь. Я стояла и смотрела на их танец и, кажется, именно тогда подумала: блин, это та любовь, которой у меня никогда не было. Такая любовь, когда люди идут друг другу навстречу, проходят друг сквозь друга, а потом выбирают снова вернуться и продолжить этот путь. И так до бесконечности. Они идеально проходили друг сквозь друга, не нарушая друг друга и при этом меняя пространство вокруг себя. Я, наверное, часа полтора просто стояла и смотрела на них, а потом начала снимать. Так я оказалась в Батуми и увидела Али и Нино. Потом мне захотелось прийти сюда вечером и поснимать их ещё раз, чтобы потом на монтаже сделать видео с того же ракурса — днём и вечером. Не помню, где и что я тогда перекусила. Кажется, просто немного погуляла по этому району, походила без какой-то особой цели, а потом, уставшая, вернулась в отель и уснула. На следующее утро я проснулась и первым делом захотела тех же пирожен, которые преследовали меня в Тбилиси: моих любимых, жирненьких, масляных, сладеньких, с клубничкой. Но в Батуми их не оказалось. И следующий день, как ни странно, тоже был банален до безумия. Мне очень хотелось найти какую-нибудь вкусную еду. Мне вообще кажется, что на многие подвиги в этой жизни меня сподвигает именно поиск вкусной еды. Я шарахалась по Батуми совершенно бесцельно, прошлась по старому району, по улочкам, по центральной части города, где-то выпила, по-моему, американо с апельсиновым соком. Тогда был такой период, когда это сочетание будоражило не только мою голову, но и мои вкусовые рецепторы. Я совершенно не помню, как нашла этот ресторан. Это было какое-то уютное, приятное кафе с зелёной вывеской, и на ней мелом было написано что-то про веганскую лапшу. Я, наверное, в какой-то момент очень устала от всего мясного. В Грузии это, конечно, отдельная история: чохохбили, хинкали, хачапури, чахохбили, лобио, чашушули, сациви, оджахури — казалось, что куда ни зайди, тебя обязательно чем-нибудь накормят, и обязательно мясом, сыром, тестом или всем этим сразу. И вдруг я увидела это магическое слово — лапша. Любезный читатель, ты знаешь, что во многих книгах я пишу о своей бесконечной любви к Азии. Я как человек, который уже много лет живёт в Азии, продолжаю её любить. И больше всего я и мой внутренний ребёнок любим лапшу. И вот это магическое слово выбило меня из грузинской реальности, из грузинских будней, связанных с такими словами, как чохохбили, хинкали, хачапури и лобио. А тут — веганская толстенькая лапша. Всё, как я люблю. С каким-то потрясающим бульоном и тофу. Я зашла, заказала её и съела с острым соусом. Это было какое-то магическое место. Очень уютное кафе, где, кажется, пахло благовониями, и у меня появилось какое-то совершенно домашнее, тёплое, близкое чувство. Правда, находилось оно очень далеко от моего отеля. Прямо вообще на другом конце города. Но для меня в этом не было ничего странного. У меня иногда бывают такие приколы:

я живу в одном месте, а в ресторан езжу реально на другой конец города. Сейчас, например, я была в Индонезии, и там у меня был точно такой же прикол. Я жила в одном районе, а в кафе «Батавия», которое мне вообще фантастически нравилось, ездила через всю Джакарту полтора часа по пробкам, только чтобы поесть. Для кого-то это, возможно, кажется странным, но для меня вполне нормальный квест. Иногда, если я могу остаться в городе подольше, я даже могу потом переехать поближе к любимому ресторанчику: снять квартиру, забронировать себе новое жильё или отель — это уже не имеет никакого значения. Главное, чтобы любимая еда была рядом. В этом кафе я спросила у ребят, со скольких они работают. Сейчас уже не помню, возможно, с десяти. Я подумала: блин, какая клёвая лапша. Потом ещё взяла, по-моему, пока с собой, чтобы десять раз сюда не ходить. Лапшу я съела там, а пока забрала с собой. И подумала, что завтра обязательно приеду сюда ещё раз. Тем более что район был очень прикольный, по нему можно было погулять. Я сидела, ела лапшу, вокруг было уютно, пахло благовониями, и мне было хорошо. Доев самую офигенную веганскую лапшу в своей жизни, я вышла и пошла гулять. Кажется, пешком оттуда до моего отеля можно было дойти, и в тот день я действительно дошла до «Мариотта» пешком. Вообще в Батуми было очень много потрясающих магазинов, где можно было купить красивые росписи, шёлковые платки. В Грузии вообще очень много красивой одежды и потрясающих грузинских дизайнеров, в которых я бесконечно влюблена и в их творения. Было очень много красивых шляп. Я нашла там шляпный магазин. Очень качественные шляпы. Я очень хотела шляпу канотье и, кажется, купила себе такую, хотя, возможно, это было уже не в тот день. Я гуляла, вдыхала дымный солёный воздух и всё ещё думала об этой потрясающей лапше. Потом пошла, по-моему, на набережную и снова взяла себе кофе с апельсиновым соком. Там был какой-то маленький ларёчек, где его можно было купить. Я сидела на берегу, смотрела на волны и пила кофе. Для меня вообще есть какая-то очень мистическая сила в волнах. Когда я сижу и смотрю на них, мне всегда кажется, что я думаю о чём-то бесконечно вечном, хотя сама не знаю, о чём именно. Батуми тогда постепенно завоёвывал моё сердце. Это было потрясающее время. Мои дни в Батуми шли. Наступало ещё одно утро, и я снова шла по старинным улочкам, фотографировала их, смотрела, как солнце отражается в витринах, проходила мимо своего любимого шляпного магазина и, конечно, снова приходила в ту потрясающую лапшичную. В своих путешествиях, в разных странах и городах я вообще очень много внимания уделяю еде. Для меня еда — это какая-то основа моего бытия. Я и в книгах всегда придаю ей большое значение, и в жизни тоже. Мне кажется, люди, которые создают такие места, кормят людей и проводят через себя это простое, но совершенно необходимое действие, — воистину мощные и гениальные творцы бытия здесь, на земле. Потому что без этого, конечно, никак. Я вообще в каждом ресторане или кафе, где ем, по возможности знакомлюсь с владельцами. Я всегда знаю администраторов, знаю официантов, они знают меня, они бесконечно любят меня, а я бесконечно люблю их. Для меня это очень важная тема — быть благодарной и с любовью относиться к тем, кто тебя кормит. Такова я. Вот такая моя суть. И так происходит в каждой стране, в каждом городе, в каждом месте. Неважно, что это — Dodo Pizza, кафе «Батавия», какой-нибудь известный ресторан или просто чифань в Китае, где ты остановился поесть на улице, или польский бар *mleczny*. У меня вообще по всему миру накопилось огромное количество каких-то вкусных воспоминаний, ощущений и ресторанов, которые я помню именно по тому, что там было вкусно и хорошо. Здесь получилось так, что я постепенно познакомилась с ребятами из этой лапшичной. Тогда я ещё почти ничего о них не знала. Они просто работали там, готовили лапшу, отдавали её через окошко, шутили между собой, и я всё чаще стала чувствовать себя в этом месте как дома. И среди них был Сергей. В какой-то момент он просто оказался частью этой маленькой ежедневной жизни, хотя тогда я совершенно не придавала этому значения. Я помню один из первых моментов, когда он отдал мне мою лапшу. Из кухни шёл тёплый пар. Пахло бульоном, тофу, чем-то чуть-чуть рыбным и пряным, хотя лапша была веганская. Я взяла миску, и вместе с паром в лицо ударил этот

знакомый запах острого соуса. Я уже заранее знала, что сейчас мой рот наполнится этой остротой, и мне от этого было почему-то очень хорошо. Сергей стоял напротив, что-то говорил, кажется, совершенно обычное, и тогда я впервые посмотрела на него внимательно. У него были невероятно глубокие серые глаза. Я не знаю, почему именно это я запомнила. Может быть, потому что вокруг всё было очень простое: лапша, маленькое кафе, пар, запах еды, люди, которые работали, я со своей вечной привычкой куда-нибудь идти дальше. А его глаза почему-то вдруг остановили меня на секунду. Я посмотрела на него и, кажется, просто улыбнулась. Потом взяла свою лапшу и пошла есть. А потом, как всегда, снова взяла поке с собой и пошла впитывать в себя энергию и мощь Батуми, смотреть, что ещё я не видела, гулять по старинному городу и проводить день на набережной. Я не могу как-то особенно поэтично описать Батуми, потому что для меня тогда всё было примерно так, как я сейчас рассказываю: утро, это кафе, лапша, Сергей. Никакой особой истории в тот момент я ещё не видела. Я не помню, о чём мы тогда говорили. Мы просто перебрасывались парой слов, я иногда смотрела в его невероятные серые глаза, а потом ребята снова продолжали работать. Всё было очень буднично. И именно поэтому, наверное, я это так хорошо и помню. А потом был какой-то день, когда Сергей меня угостил чаем. Я даже не помню, какой это был чай. Может быть, пуэр, может быть, какой-то красный чай. Честно, не помню. У них там был маленький столик на улице, а я вообще люблю кушать на улице. Иногда кондиционеры работают слишком сильно, а иногда мне просто хочется сидеть снаружи. Я люблю эту французско-европейскую атмосферу, когда ты сидишь под зонтиком за маленьким столиком и ешь прямо на улице. Мне это очень нравится. Поэтому я всё время просила столик на улице. У них было окошко выдачи, потому что они работали на выдачу прямо на улицу. И вот мне снова сделали мою веганскую лапшу с бульоном. Я сидела за этим маленьким столиком. Передо мной стояла миска, от которой поднимался пар, пахло тофу, бульоном и специями. Я добавила немного острого соуса, попробовала лапшу, и через несколько секунд во рту уже разлилось знакомое жгучее тепло. Я сделала ещё пару глотков и только потом заметила, что Сергей вышел ко мне. Он оказался совсем близко. У него в руках была маленькая пиала с чаем. Он протянул её мне, и я взяла чай обеими руками. Я вдохнула его запах ещё до того, как сделала первый глоток. Там был какой-то сладковатый привкус чайной заварки, тёплый, немного терпкий. Я отпила и посмотрела на Сергея. И снова увидела эти серые глаза. Мне кажется, именно тогда я впервые почувствовала что-то странное. Не то чтобы я подумала о нём как-то особенно. Нет. Просто вдруг появилось ощущение, будто я уже знаю этого человека. Будто мы не знакомимся, а просто продолжаем какой-то разговор, который когда-то давно начали и почему-то забыли закончить. Мне кажется, мы говорили вообще обо всём. Было как-то очень легко и прикольно. Без неловкости, без необходимости что-то придумывать или изображать. Я сказала, что скоро уезжаю. А пока не уеду, сказала, что буду приходить есть лапшу, потому что мне нравится. Я снова сделала глоток чая. На секунду посмотрела в пиалу, потом подняла глаза и снова встретилась с его взглядом. Я тогда ещё не знала, почему именно его глаза я запомню. Мы закончили с чаем, и я, как всегда, пошла по своим делам. Да, вот такой вот ещё один денёк в Батуми.

В горы

Наступил день моего отъезда. Мне нужно было съезжать из «Мариотта», и я собрала чемоданы. По-моему, уезжала я поздно — кажется, на поезде в Тбилиси, но сейчас уже не могу точно вспомнить. Я поехала с чемоданами в лапшичную, потому что заранее договорилась с ребятами, что оставляю их там, а сама ещё немного погуляю по Батуми перед отъездом. Когда я приехала, снова увидела Сергея, поставила чемоданы и, конечно же, поела лапшу. К тому времени у меня уже появился свой маленький ритуал: прийти сюда, заказать ту самую веганскую лапшу, сесть за столик и какое-то время просто побыть в этом месте. Рядом со мной давно крутилась одна кошка. Её звали Луна. Она почему-то очень меня полюбила и почти каждый раз, когда я приходила, устраивалась у меня на коленях и засыпала. В тот день она

тоже пришла, свернулась у меня на коленях и довольно быстро заснула, положив голову мне на руку. Сергей давно это заметил. Он сказал, что Луна вообще не всех выбирает, мало к кому подходит и ещё меньше кого действительно любит. Я погладила её по спине, посмотрела на Сергея и вдруг поймала его взгляд. Серые глаза. Я уже несколько раз замечала их, но каждый раз происходило что-то странное: я смотрела на него чуть дольше, чем собиралась, а потом сама не понимала, почему отвела взгляд. В тот день это повторилось. Я ела лапшу, Луна спала у меня на коленях, вокруг кто-то работал, открывалось и закрывалось окошко выдачи, пахло бульоном и острым соусом, а мы с Сергеем разговаривали так, будто никуда не спешили. В какой-то момент он сказал, что у него сегодня нет никаких дел и он может отвезти меня в одно очень красивое место. Я сказала: хорошо. Мы оставили чемоданы в кафе и вышли на улицу. Батуми был залит тёплым солнечным светом. Воздух пах морем, откуда-то тянуло солью и влажностью, а после прохлады кафе улица показалась особенно тёплой. Сергей припарковал машину, и я впервые её увидела. Уже много лет спустя он рассказывал мне про этот момент. Говорил, что, когда я села в его машину, у него вдруг возникло ощущение, будто я его жена. Будто мы с ним уже много лет ездим вместе, будто я просто открыла дверь, села на своё место, и ничего необычного в этом нет. Я тогда ничего этого не знала. Более того, я вообще впервые видела его машину. Но спустя несколько лет я рассказала ему, что у меня произошло почти то же самое. Когда я села рядом с ним, у меня почему-то возникло ощущение, будто я уже знаю это место. Будто я не впервые открыла эту дверь и не впервые села рядом с ним, а просто вернулась туда, где уже когда-то была. Хотя это был первый раз. Первый раз, когда я видела его машину, первый раз, когда мы ехали куда-то вдвоём. Сергей завёл двигатель, я пристегнулась и открыла окно. В салон сразу ворвался ветер. Он коснулся моего лица, подхватил мои волосы, растрепал волосы Сергея, и какое-то время мы ехали с открытыми окнами, почти не разговаривая. Батуми проплывал за стеклом: дома, улицы, вывески, люди, редкие пальмы, солнечные пятна на дороге. Потом город начал постепенно исчезать. Улицы становились тише, домов становилось меньше, вокруг появлялось всё больше зелени. Сергей сказал, что везёт меня в одно интересное место, где мы сможем поболтать и попить чай. Куда именно — я не спрашивала. Мне почему-то было спокойно. Я смотрела в окно и иногда поворачивалась к нему, ловя тот самый взгляд, который уже несколько дней почему-то не выходил у меня из головы. Не помню, сколько мы ехали. В памяти от этой дороги осталось не расстояние, а несколько отдельных картинок: открытое окно, ветер, его руки на руле, солнце, которое то появлялось, то исчезало за деревьями, и ощущение, что я еду куда-то, хотя совершенно не знаю куда. Потом мы оказались среди деревьев. Кажется, это была какая-то роща или небольшой лес. Там было тихо, солнечный свет просачивался сквозь листву, падая на землю замысловатыми пятнами, воздух стал прохладнее. Мы остановились, достали чай и сели где-то в этой зелени. По-моему, Сергей даже ходил купаться. Мы пили чай и говорили ни о чём. И вот этот разговор я почти совсем не помню. Вообще, когда мы с Сергеем пили чай вместе — тогда и потом, уже спустя годы, — у меня почему-то происходило одно и то же: я начинала смотреть на него и постепенно переставала слышать содержание разговора. Как будто слова становились чем-то второстепенным, а самым важным в мире оставались его глаза и чашка чая у меня в руках. Я делала глоток, чувствовала тепло, смотрела на него и совершенно не понимала, сколько прошло времени. В тот день солнце постепенно двигалось к закату. Свет становился мягким, золотым, деревья темнели, а между ними всё ещё оставались тёплые полосы света. Мы допили чай, и Сергей сказал, что покажет мне ещё одно красивое место. Мы снова сели в машину и поехали дальше, теперь уже вверх. Начался серпантин. Дорога закручивалась по склону, один поворот сменял другой, и Батуми оставался где-то внизу. Я смотрела в окно, на зелёные склоны, на дорогу, которая то исчезала за поворотом, то снова появлялась впереди. Вечерний свет ложился на горы, и мне казалось, что мы едем куда-то неизвестно куда. Прошло не так много времени. Когда мы поднялись на вершину, перед нами открылся потрясающий вид. Я помню простор, воздух, высоту

и нас двоих, стоящих там наверху. Кажется, у нас даже где-то осталось это фото, если мы его не удалили. Мы стояли вместе на вершине, такие обычные, совершенно не понимающие, какую шутку сыграет с нами время. Потом мы спустились вниз. Уже начинало темнеть, когда мы вернулись в Батуми. Я приехала в кафе, забрала свои чемоданы, и мы обменялись телеграмом. На этом наше общение, наверное, и закончилось. Если бы я тогда знала, что больше ничего не произойдёт, на этом действительно можно было бы поставить точку. Я приехала в Батуми, ела лапшу, познакомилась с Сергеем, однажды поехала с ним пить чай, поднялась на гору, а потом уехала. Всё. Обычная история из нескольких дней жизни. Но некоторые истории становятся историями только спустя время. Я уехала, и следующие два года мы просто иногда переписывались. Несколько месяцев назад я перечитывала нашу переписку и увидела, что мы действительно писали друг другу довольно редко. Это были какие-то отдельные сообщения о важных событиях нашей жизни. Я рассказывала ему о своих путешествиях, присылала фотографии, он рассказывал о том, что происходило у него, о своих непростых переживаниях, об одиночестве, о концертах. И, наверное, мне тогда было важно иметь человека, с которым можно было всем этим делиться. Я совсем забыла рассказать одну вещь: Сергей занимался музыкой. Причём давно и достаточно профессионально. А я в то время только начинала заниматься музыкой. У меня было не так много людей, которым я могла показать свои первые попытки, отправить что-то и сказать: «Смотри, я написала текст». И постепенно Сергей оказался именно тем человеком, с которым мне хотелось делиться своей музыкой. Тогда я ещё не знала, насколько важным окажется этот простой жест — отправить человеку свою первую песню. Но это уже другая история. О ней дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.